

Борис Примочкин

НАСТЕЖЬ

Посвящается Любимым

Борис Примочки родился в Москве. Окончил Московский энергетический институт и Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова. Работал инженером в институте атомной энергии им. Курчатова, затем в

штате редакции институтской многотиражки «Советский физик». С начала 70-х прошлого века печатался, как журналист, в городской и центральной прессе: «Известия», «Труд», «Московский комсомолец», «Вечерняя Москва», «Независимая газета»... Работал сценаристом научно-технических фильмов оперативной киноинформации различных ведомств и министерств, в Госкино РСФСР- в отделе кинопроката и кинофикации. Успел «попутешествовать» по редакциям различных журналов и газет - «Юный техник», «За рулем», «Московская среда», «Автомобильный транспорт», «Автомобильные дороги», «Морские вести России», «Дороги дружества»... Последнее время часто выступает в интернет-журнале «Мир информ» (www.mirinform.ru). Член союза журналистов СССР с 1977 года.

e-mail: bprim@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия сокровенного	1
В БРЫЗГАХ ЛЕТ	
Я приглашу тебя в стихи.....	4
Лед по реке плывет разбитый.....	5
Витой, как штопор, мягкий по нутру....	6
Придорожную мою калину	7
Твой взгляд – как первая строка	8
На разломе живем, на провале.....	9
Приснится долгий поцелуй	10
Гитара	11
Женщина между вдохом ли выдохом...	12
Не дождей звучало скерцо	13
Без тебя я похож на глухую тетерю	14
Не скрипел снег – пел так нежно	15
Сон приснится ли вещей	16
Репей	17
Упала лампа	18
Печальное дело, когда отгорело.....	19
Я дышу тобой одной.....	20
Осень	21
Письмо	22
Взгляд раскаленный вдруг ожжет	24
Осенняя палитра	25
Это было как сон	26
Прощальный, предрассветный час.....	27
Одиночество. Ночь.	29
Томление бабьего лета в разгаре.....	30

КАК ЖЕ ВЫШЛО ТАК, РОДИНА?

МНЕ ПОРА УХОДИТЬ ВМЕСТЕ С ДОЖДИКОМ ..	32
ГОВОРЯТ В ТОМ КРАЮ	33
ТЫ СМЕРТЕН, СМЕРД	34
КАК ЖЕ ВЫШЛО ТАК, РОДИНА?	36
«ХУЖЕ ВОДКИ – ЛУЧШЕ НЕТУ»	37
ТРОЯНСКАЯ ЦЫГАНОЧКА	38
НАСТРОЕНЬЕ СТРОЕНО	39
БЕССОННИЦА НАПОЛНИТСЯ	40
РОССИЯ ВЕСНОЮ - НЕМНОГО ЦЫПЛЕНОК....	41
ЛУЖА	42
ГОРОД	
ЭТОТ ГОРОД – БОЛЬШАЯ НАСЕДКА.....	44
ЗАЛ ПРИТИХ. ЗАЛ МОЛЧОК.....	45
ДЕРЕВЬЯ	46
ТОПОЛИНЫЙ ПУХ	47
МЕТРО.....	49
ЭКСКАВАТОР	50
ВНОВЬ У СОБАК ВЗДЫМАЛАСЬ ШЕРСТЬ.....	52
КТО ОТРАВИЛ ТЕБЯ, ПРОЗРАЧНАЯ?.....	53
ЛИСТЬЯ.....	54
СОЛНЦЕ УТРО ОСТРОГОЙ ПРОНЗИТ.	56
ГЕРБАРИЙ.....	57
ПЫЛАЕТ ОСЕНИ КОСТЕР.....	58
МОРОЗ ДАЕТ ВСЕМ ПРИКУРИТЬ.....	60
СМОТРИТЕ, ТУЧА-ТО	61
С НЕБА МОЛОКОМ	62
ОБЛАКА ПРОЛЕТНОГО НАКЛОНЕН СТАКАН. ..	63

ДЕМОНЫ.....	64
А ЗВАЛАСЬ ОНА СТРАННО – АМАЛИЯ	65
ПРИХОДИЛ СО ВЗДОХОМ «ЭХ».....	66
АНГЕЛЫ	67
ЧАЙ.....	68
КИНО.....	69
КОКТЕЙЛИ.....	71
МОЛЬ.....	72
СТАРЫЙ САД.....	73
КОГДА ПРИДЕТ К ТЕБЕ ПЕЧАЛЬ	74
ФЛЭШКА	
ЩЕДРОСТЬ.....	77
СПИЧКА	80
ПИСЬМАМИ НЕБА —ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ	
КРУГ.....	84
ГРУСТЬ ПОСКОРЕЕ СБРОСЬ.....	85
ТЫ РАСКАЛИСЬ И ПРЫГНИ ВНИЗ.....	86
ПЛЫВИ, ПЛЫВИ МОЯ ЛАДЬЯ.....	87
ЕСЛИ НАПРОРОЧАТ.....	88
КОГДА КАЧЕЛЯМИ	89
НАСТОЙКА.....	90
ПАУТИНУ БРОСИТ В ДРОЖЬ.....	91
СПАСАТЕЛЬ	93
КОНЬ	94
ПОСЛУШАЙ, ДОРОГА, ТЫ ЗНАЕШЬ.....	95
ПРИГЛАШЕНИЕ	96
ПИСЬМАМИ НЕБА – ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ	97
СРЕДИ РАСПАХНУТЫХ СТРАНИЦ.....	98

Поэзия сокровенного

Есть фамилии, которые сразу вызывают улыбку. Когда встречаешь подпись «Борис Примочкин», думаешь-псевдоним, за которым скрывается сатирик и юморист. Отчасти так и есть. Он и в самом деле пишет острые и смешные сатирические рассказы, сочиняет песни, публикует фантастику, статьи. Но сокровенное дело его души – стихи – все эти годы по разным причинам сиротливо копились в ящиках письменного стола.

Однако подлинность жизни и судьбы, заключенная в стихах Бориса Примочкина, несомненно, заслуживает лучшей участи. Для меня еще и потому, что их автор вступил на жизненные подмостки в далекие 60-е, когда «главными героями» являлись физики и лирики, в цене были: искусство Серебряного века, авторская песня, рюкзак, костер, потрескивающий в ночи, Фрейд и Ницше, Кафка и Марсель Пруст, Тарковский, Лосев, Маяковский, Феллини и Модильяни.

Это время дорого и понятно мне, так как я сам из этого времени, болел его болезнями, мыслил его мыслями, чувствовал его чувствами. Может быть, поэтому лирические исповеди Бориса я, вероятно, сопрягаю с только мне одному ведомыми смыслами, невольно, окрашиваю интонациями Блока и Булата Окуджавы, образами раннего Пастернака, одиночеством «Полетов во сне и наяву», высокой романтикой поиска смысла жизни, радужными

мечтами тех лет о несбыточном и запредельном.

Говоря о печати времени, я имею в виду не какие-то конкретные политические и социальные события и коллизии, а манеру думать и смотреть, влюбляться и страдать. Поскольку почти вслед за нами стали жить и чувствовать совершенно по-другому. Особенно после «революции» 90-х, породившей новых «героев» (рекетиров, бизнесменов, киллеров, путан и т.п.) и новую «культурную» среду (мыльные оперы, блокбастеры, ток-шоу, триллеры и т.п.). А наша духовная Атлантида - навсегда канула в лету.

Но, думается, мир наших ценностей, отношений и верований будут иметь в грядущем не только музейное значение. И, во всяком случае, заслуживает быть сохраненной для истории. Вместе с узнаваемым видом зданий, характерными контурами автобусов и троллейбусов, кроем брюк, фасонами туфель и причесок тех лет. И многим другим, без чего представление о поколении 60-х окажется неполным и даже неточным.

Стихи Бориса Примочкина добавляют коллективному образу нашего поколения дополнительные черты и краски, которые были ему присущи в прошлом и угадываются сегодня, опаленные годами «реформ». Очень хорошо, что стихи эти, наконец, извлечены из ящиков стола и явлены читателю. Тем более теперь, когда поэзия, кажется, вновь обретает почву под ногами, и не одни только записные шуты и серийные убийцы, выставленные на всеобщее обозрение, могут вызвать неподдельное внимание и интерес.

Алексей Зименков

**В БРЫЗГАХ
ЛЕТ**

* * *

Я приглашу тебя в стихи.
Немного странные. Ну, что же ...
Они то звонки, то глухи.
Ты в них войдешь со мной, быть может.

В них чувства разные живут
В жаре зимы, ознобе лета.
И королем там правит шут.
Хотя подобное нелепо ...

Среди распахнутых страниц
Заветный, верю, будет случай –
В далеком всполохе зарниц
Друг друга мы увидим лучше ...

* * *

Лед по реке плывет разбитый.
Оковы сбросила вода.
На перекатах волн кульбиты
Азартно делают тогда ...
Пока желанья не застыли,
Скорей пиши, спеши в бега.
От распечатанной бутылки
Качнутся пьяно берега.
Душа поет, спешит крылата,
Ручьями льется по земле.
Костер в ночи - огня заплата -
Под утро спрячется в золе.
Жизнь мчится лодкою на стрежне
Бесшумно, быстро, нет следа.
Бурлит порог, кипит, как прежде ...
Так в брызгах лет летит судьба ...

* * *

Витой, как штопор, мягкий по нутру,
Ручей вонзился в камень пробки.
Он был упрямый, хоть и с виду робкий.
Журчал и пел, и лилась свежесть поутру.

Оттенка стали, серо-голубой,
Он был пронзен насквозь лучами,
Был охлажден холодными ночами,
И, как клинок, дрожал мерцающей водой.

Он силы брал от тающих снегов,
Из недр земли с глубокими ключами.
Когда дожди копытами стучали,
Он силы брал от туч и облаков.

Был в тайной связи телом и душой
Со всеми, кто любовью привечали.
Живою нитью радости, печали
Всего, что было между небом и землей

* * *

Придорожную мою калину
Пусть ломают ветры, гнут.
Я пойду искать сырую глину
Там, где берег гол, безмолвен, крут.

Разомну ее в руках горячих.
Закручу ее волчком.
Не получится, не спрячет,
Что таит холодный ее ком.

А потом хрустящей твердой галькой
Пропаду, уйду в тумана блажь.
Искры от костра шальною стайкой
Подожгут мой высохший шалаш.

Обожжено звонкой, легкой чашей
Отряхнусь от жара и огня.
Буду я на встрече шумной вашей
Выходить из тьмы небытия

* * *

Твой взгляд – как первая строка.
Скорей писать стихотворенье.
Незримым током бьет волнение.
Поет, звенит внутри струна.

А ты стоишь удивлена
Обыкновенному восходу.
Мы жадно пьем простую воду,
Что нас пьянит сильней вина.

Слились в одно, как два ручья.
Не разделить, да и не пробуй...
От горько-сладостной хворобы
Слеза солена, горяча.

Несется тайная река.
Там под землей – ревет, хохочет.
И быстро подмывает очень
Твердыней наших берега

* * *

На разломе живем, на провале.
Натянулась струна до звона.
Убежать от судьбы? Едва ли...
Облучает Любовная Зона.

Взгляд людей в нашей Зоне светел.
Часто путаем день с ночью.
Дверь закрыли, - срывают с петель!
И зачатие здесь непорочно.

«Не в себе» - из себя выходим.
Напролом бредем без дороги.
Без надежды, как призраки, бродим
И живыми встаем на пороге.

Наяву ли, во сне ли, случайно
Вдруг увидеть в сплетении тел:
Сердце к сердцу в печали причалит,
Чтобы ангел в тот миг пролетел

* * *

Приснится долгий поцелуй,
Как затяжной - на парашюте.
Не ворожи, свечу задуй,
Чтоб не влюбиться нам до жути ...
Ах, эта ночь так хороша -
Вдруг тайны лунные открыла.
Взлетали тело и душа.
И поднимали в небо крылья ...
Затянет тихо поцелуй
Петлю прощания на шее.
Ты поседеешь, словно лунь,
Осенних листьев слыша шелест ...
А ночь придет, опять полна
Той непонятной, сладкой муки.
Вновь накрывает, как волна ...
Дурманят запахи и звуки.
Забыв давно тот поцелуй.
Но почему же грудь так щемит?
Пылинку грусти с платья сдуй
Под неумолчный птичий щебет ...
Ах, эта ночь сведет с ума.
Её, наверно, каждый ищет.
Упали посох и сума ...
Без ночи той я просто нищий

ГИТАРА

Двугорбым, печальным верблюдом
В молчащих барханах недель
Лежала заброшенным чудом.
Чехол в серой пыли – постель.
Иль облаком цвета заката
Застыла на небе стены,
Копилка звенящего злата -
Все песни в неё снесены.
А может быть хищною рысью.
Охотницей... Щелкнул курок.
То выстрелит в грудь, то повиснет
На шее бренчащий зверек.
И счастья не надо другого –
Колчан из пронзающих стрел...
Струна тетивую тугою –
Веди сам себя на расстрел.
Сомкнутся гитарные своды.
Кто ядом отравлен её?
Живет заколдованным годы
И жертвует всем для неё.
То рысью бросается к горлу,
Восхода горит огоньком,
Шагает верблюдом двугорбым,
Спасает коньком-горбунком

* * *

Женщина между вдохом ли выдохом ...
Стоп, кинокадр. Видишь тайна за ним.
Женщина между входом ли выходом ...
Над головою сияющий нимб.
Тихо прольется лето Господнее
Женскою милостью нас освятит.
И унесу я в свою преисподнюю
Тот удивительный женский мотив.
Черточка между датой рождения -
Датую смерти сжала всю жизнь.
Счастьем и горем, дрожью волнения
Листик осенней судьбы откружись ...

* * *

Не дождей звучало скерцо
Темной ночью до утра –
Так рыдало чье-то сердце
От пронзительных утрат.
Днем, конечно, вышло солнце,
Лужи плавно осушив,
Пели птицы за оконцем,
Щебетали от души.
Перемены все без меры –
Засуха, а то дожди...
И последний день, как первый.
И спокойствия не жди

* * *

Без тебя я похож на глухую тетерю,
А с тобою взлетаю, токую, шалею...
Лишь разлука опять превращает в потерю.
Одиночество душил веревкой за шею.

Я хожу за тобой, становлюсь твоей тенью,
Барабаню дождем, накрываю метелью.
И вбираю твой запах подобно голодному зверю.
Я по следу иду, в нашу встречу не верю и верю...

Ты уходишь к другому по первой пороше.
Он же ближе, роднее тебе и дороже...
Догорю в стороне, теплым ветром развею,
Пусть хоть так в холода вас согрею

* * *

Не скрипел снег – пел так нежно.
Утешал: «Ты не отвержен».
И казалось: все как прежде.
Только встречи стали реже.

Кто-то ласками разбужен,
Вознесен и вдруг... не нужен.
Сердце съедено на ужин.
С пустотою снова дружен.

Так огонь и гасят в стужу,
Выплеснув тепло наружу.
Лед сжимает реки, лужи.
И петля все туже, туже

* * *

Сон приснится ли вещей
Между мной и тобой –
От разлуки зловещей
И тоски гробовой.

Путь печали прочерчен.
Горечь водкой запьем.
Опускается вечер
Даже солнечным днем

РЕПЕЙ

За окном цветок колючий
Озарит околицу.
Ты его не трогай лучше -
Репей небритый колется.

Алой точкой расплывется ...
Уколы кровью кормятся.
За слезой слеза прольется.
Всхлипывает горница.

Сердце – всадник мчится в мыле
От любви обманчивой.
Девочка пронзит навывлет
Небритого мальчика

* * *

Упала лампа –
Брызги стекла.
Зачем он лапал?
Зачем легла?

Блудницей стала,
Когда дала.
Весною талой
Дочь родила.

Сказала «Амен»,
Взлетев с бархан...
Бросайте камень,
Кто без греха

* * *

Печальное дело, когда отгорело...
Не слушай себя, на себя не смотри.
Так холодно, пусто, тоска без предела...
Равнина со снегом застыла внутри.

Пускай ты – снаружи, замерз и не нужен.
Мобильник прошепчет: «Скорее зови...»
И голос далекий согреет вдруг в стужу,
И вспыхнет то самое пламя любви.

И скорой весною с капелью-слезою –
Заждавшейся, звонкой, немного хмельной –
Замерзшее чувство прольется грозой
И всех зацелует дождливой волной...

* * *

Екатерине

Я дышу тобой одной...
Я давно тобой больной...
Посмотрите, ангел мой,
Лед и снег... Иду босой...

Словно нищий бродит вдоль
Той дороги столбовой,
Где любовь сменяет боль,
Мне шагать так не впервой.

Обнаженных нервов голь.
На гитаре струны тронь.
Я спою тебе, позволь,
Лед растопит мой огонь

ОСЕНЬ

Слезы ночью, слезы днем...
Обидчивая женщина.
Плачет с дождиком вдвоем
Прозрачна и не венчана.

Проплывают облака
Мыслями печальными.
Как же ветру обласкать
Осеннее отчаянье?

Что он может? Нищий сам.
Такой же обездоленный
Гладит волосы лесам,
Душу обезболивает.

Осень – горе без прикрас.
Рвется лета платице.
И сухой слезой из глаз
Лист на землю катится

ПИСЬМО

Ты храни, дорогая, храни
Все, что дорого нам. Все, что люблю.
Ту луну, шорох старого дуба
И тех звезд рассыпные огни,
когда были в ту ночь мы одни.

Ты другого, конечно, люби.
Ты ж не девочка-недотрога.
Этим – будешь верна мне до гроба.
Столько будет всего впереди.
Будь же легкой, веселой, пари.

Если нужно, письмо разорви.
И спеша на свидание смело,
Вдруг припомнишь меня между делом:
Кадр, мелькнувший в картине любви,
Ты за это меня не вини.

В этом кадре - мгновенье вдвоем,
То стыдливое, первое счастье.
Поцелуев греховных причастье
Утром. Вечером. Ночью и днем.
Миг, оплавленный общим огнем

Выбрось к черту, не береги
Память эту, мешать только может.
Да ознобом проходит по коже
Словно холод идет от реки.
Омута в той реке глубоки.

Если сможешь, тогда сохрани.
Ты - живая, я - мертвый. Мне трудно.
А не сможешь, живи неподсудно.
Забывай, вспоминай, береги ...
Эти самые наши огни

* * *

Взгляд раскаленный вдруг ожжет
Таинственно могучей силой.
И голос скажет: «Будь любимой».
И будет так из года в год.

Потом случится поворот.
Огонь потухнет – не любима.
Крыло у птицы перебило.
Отчалил белый пароход.

На пристани стоишь и ждешь.
Крыло срастается больное.
Срослось. Но иногда занует
К погоде. Значит скоро дождь.

Что ждет за жизненным углом?
Мы разве властны над стихией?
То дни приходят к нам сухие.
То молний блеск. Ударит гром.

Взгляд молний с неба нас ожжет
Таинственно могучей силой.
И голос скажет: «Будь любимой».
И будет так из года в год

* * *

Осенняя палитра,
В цвете скромный куст...
Листики с пюпитра
Падают от чувств.

Встречи с горькой водкой
Сладки, хороши...
И двутелой лодкой
Плыли две души.

Осенняя молитва...
Осень, не спеши,
Чтобы также слитно
Плыли две души

* * *

Это было как сон,
Как озон от грозы,
Как малиновый звон
Те мгновенья твои.
И, открыв все замки,
Мне сказала: «Бери.
Просто так, без взаймы.
Без отдачи. Бери».
Эта щедрость твоя
Просто сводит с ума.
Ненавижу, любя,
Проклинаю тебя.
Щедрость крепче цепей
Для породы моей.
Я рванулся... Сильней.
И бежал в тот же день.
Мне дышать уже нечем
Знаю, что обречен.
Потому что той встречей,
как звездой облучен.
На охоте. В засаде.
Мешает. Уйди!
Тот обрывок цепи,
что звенит на груди.
«Без взаймы, без отдачи
Бери. Все бери...»

* * *

Прощальный, предрассветный час
Подарит пытку и усладу.
И с откровенностью нет сладу
Там, за дверьми закрытых глаз.

А из раскрытого окна
Прохладным воздухом аллеи
Ночь веет, тает и светлеет
Воспоминаниями сна.

В них поднимается со дна,
Как из глубин ствола, всплывая,
Листва младенческого мая
Светла и нежно зелена.

Вдруг резкий звук. Пора вставать.
Пила будильника подпилит.
Береза сна лежит в крапиве.
В той, где согретая кровать.

Водой холодной плесни,
Поеживаясь, умываясь,
Смывай остатки сна, прощаясь,
Чтоб ношу жизни донести

Утраты – шилом из мешка –
Проступят. День наступит долог,
Вонзится остротой иголок
Сомнений колкая рука.

Неужто в этом жизни смысл?
Не с той. Не с тем. Идти не рядом.
И одиночества наряды
Примеривать, сны утром смыв?

* * *

Одиночество. Ночь.
Зачарованным взглядом
Вновь уносишься прочь
Через лучик, что рядом.
Через светлую дверь,
Через капельку пламени,
Хищный маленький зверь,
Что съедает воск памяти.
Не хочу потушить.
И не жалко. Сгорает.
Сожаленьем души
Где-то скрипка играет.
Плавный кисти полет...
Хвостик рыженькой белки
На березе свечи
Скачет с ветки на ветку.
Пламя машет на башне
Флагом алым в горсти.
И все меньше – все дальше.
До свиданья – прости.
Наша встреча – свеча.
Растеклась воском лужица.
Догорела вчера.
Отчего-то недужится...

* * *

Томление бабьего лета в разгаре.
Днем солнце зовет всех остаться без маек.
Луна, словно дева в небесном угаре,
Звездною ночью ласкает и манит.

И падает осень в объятия, раздета.
Туда, где зима постелила уж простынь.
И там, в одиночестве всё ищет лето,
В снегу отыскать его очень не просто.

Томление бабьего лета в разгаре.
Спешите его утолить до рассвета.
Пока холода все тепло не украли,
Без счастья остаться – плохая примета

**КАК ЖЕ
ВЫШЛО ТАК,
РОДИНА?**

* * *

Мне пора уходить вместе с дождиком,
Перестать, не стоять на пути.
На стене процарапаю гвоздиком
«Ты прости, дорогая, прости» ...

От зарницы отброшенным всполохом
Промелькну ненароком во сне.
Вспыхну ярким обидчивым порохом
На далекой чужой стороне.

Истекаю из светлого озера
В темноту, неизвестно куда.
В холода все мечты заморозило.
В небе светит ночная звезда.

На прощание жалобно горlinkа
Пропоеет о нелепой судьбе ...
Но мешает прощанию в горле ком,
Чтобы допеть эту песню тебе ...

* * *

Говорят в том краю
Все живут, как в раю.
Да от сладких речей
Жизнь горчей и мрачней.
Здесь стригут наголо,
Бьют под дых, под ребро.
Здесь везде пролегло
Черно-белое зло.
Под одеждой Пьеро
Носит бритву-перо.
Взгляд блеснет сквозь стекло -
Боль. Порез. Потекло ...
В той полярной ночи
Замерзают ручьи.
В дверь стучи не стучи -
Не откроют ключи.
Дурново там житье,
Ловкачи да ворье.
На кустах воронье,
Под кустами зверье.
Лишь одеть бы ярмо.
На кого? Все равно.
И поставить клеймо,
Словно стал ты - бревно.

* * *

Ты смертен, смерд,
Ты смертен, помни!
Ты не свободен никогда.
И вот уже при свете молний
Вновь на «обломках самовластья»
Засовом лязгают года.
Мой смерд, беги в свой черный труд,
соленый пот ручьев горячих.
В них, как в лечебницах – есть, значит,
Тюрьма, курорт там не умрут.
Себя учи, трудом лечи.
В нем возрождайся, как из пепла.
Улыбка детская так светла,
Как родниковые ключи.
Тоску и смуту прогони.
Беги скорее от погони –
Так шепчет вся твоя судьба.
И вот несутся, слышишь, кони...
В свободу прыгай из раба.
Бежал в леса, стихи, к друзьям.
Был беглым предок твой крестьянин.
Он пойман был, клеймен и травлен.
Казалось, жить уже нельзя...
А он бежал теперь... в тебя.
Не выдавай его, не надо

Возможно в нем твоя отрада
И тайна смысла бытия.
Так птица, ветку теребя,
Не хочет больше в клетку ада.
Какая странная дорога.
То он – хозяин, ты – холоп.
А то вдруг хлоп – наоборот.
Изменчива судьба от Бога.
О ней подумай, не спеша.
После побоев барских лютых,
После опричнины и смуты,
Твой предок скинул рабьи путы, -
Едва живой, едва дыша.
Он невозможное свершал.
Загадка русская душа.
Ты смертен смерд,
Ты смертен. Помни.
Ты не свободен никогда.
Комок подступит. Встанет в горле.
И сердце рвется из раба.
Так что ж нам детям передать?
Тревогу в каторгу-дорогу?
Чья тень крадется у порога?
Сквозь страх и боль нам выступать

* * *

Как же вышло так, Родина?
Полнарода угроблено.
Вместе шли по дороге мы.
А теперь на краю...
По обычаю Родины
Выпьем водки смородинной
На поминках до одури.
Побываем в раю.
Спьяну, сдуру ли, Родина,
Мы тебя проворонили.
Прозевали уродины...
И бессчетно - потерь.
 Как же вышло так, Родина?
В голове ли пробоина?
Да и сердце раздвоено.
И затравлен, как зверь.
Наградит потом Родина
За терпение орденом.
Но умершие, гордые,
Уж захлопнули дверь.
Что ж опять моя Родина,
Как гитара расстроена?
Отойду вот от одури
И настрою - поверь

* * *

«Хуже водки – лучше нету»
От тоски умчаться вновь,
Чтоб искать по темну свету
Свою светлую любовь...

А любовь, конечно, рядом...
На работу и домой
Ездит... Спрашивает взглядом:
- Что ты делаешь со мной?

Отвечаю перебором -
Я с гитарой подойду -
Огласил так приговором
Бог по своему суду

ТРОЯНСКАЯ ЦЫГАНОЧКА

И не легенда,
И не сон...
В обычный день коня берем.
От магазина отведем,
Взнуздаем,
Вскроем,
Пьем втроем.
Ах, это бульканье копыт
Нас так пьянит,
Так веселит.
И нагло ржет
Конь Блед,
Печатая
Копыта след.
Своих, чужих,
Слепых, седых...
Ногой в поддых,
Чтоб сразу в жмых.
Так – раз.
С пьяных глаз –
Еще много-много раз...
И под сорок
Градусов
покатиться с ярусов
Так с буль
Вытек нуль,
Просадив
Последний рубль

* * *

Настроенье строено
У нас троих.
А в Трое
все устроено
На троих.
Трудятся по трое –
Треугольный строй.
Трезветь не пробуют.
И власть не тронь.
Святая троица
Троится, строится.
А вон тройцкист –
На землю ниц.
И ржавый кружится
Лист за листом.
Опойным ужасом –
В грязь пластом.
И ни жива,
И ни мертва
Лежит то ли Троя,
То ли Москва ...
Горький город
Из всех отчизн.
Раздет, распорот.
В стране трех тризн

* * *

Бессонница наполнится
Гостями, словно горница.
Незримыми любимыми,
Что были все мне примами.

Бессонница–походница
Под тяжестью лет горбится.
Пешком ли, вплавь ли, конницей –
Стремительно проносится.

Беззвучная подручная,
Свободна от наручников
Бессонница–охотница
Тигрицею набросится.

Бессонница–надомница:
В ночи работа спорится.
Зашьет, а шов распорется.
Иголка в сердце колется.

Бессонница, кто вспомнится?
Последняя любовница
С измятою простынкою,
Обидчивой и пылкою

* * *

Россия весною - немного цыплянок -
Проклюнув скорлупку стывших снегов,
В нежном пушке от березок и кленов
Дымится зеленым туманом лесов.

Летом в тепле оперилось, окрепло
Тело земли. И подняли его
Крылья деревьев, качаясь от ветра,
Планету, как птицу, носят легко.

Приходит эпоха соцветья иного.
Дождь листопада на землю пролит.
И, подпустив петуха золотого,
Осень пожаром крыла опалит.

Холод зеленую птицу сгоняет
В далекие страны, другие края.
Крылья России весной отрастают.
Не потому ли летает Земля?

ЛУЖА

Москва свежа под вечер от дождей.
Повсюду капли, влажные волокна.
Реклам пульса клубком цветных ужей
Извилисто в мои метнется окна.
И дальше вниз, по темному стеклу –
Чиркнет по луже огненной игрою:
Зеленой, желтой, красной, голубою.
Бриллианты миражами истекут.
Дешевка. Блажь. Не стоит возражений.
Халиф на час пришел и ворожит.
Такою ерундой: свет, блики, отраженье.
Кто бижутерией подобной дорожит?
Салютом лопнет лужа, расцветая,
Когда машина шинами шипя,
Из-под колес взметнет свои крыла, -
Два веера раскроет, пролетая.
Вода растерзана на влажные куски,
И омут вывернут, как будто наизнанку.
Куски шевелятся, широки и узки,
Срастаясь в скатерть-самобранку.
Ты посмотри: ну что за наважденье?
Все затянулось и целехонька стоит.
А у машин отменный аппетит –
Терзают снова лужу без стеснения

ГОРОД

* * *

Этот город – большая насадка
Жизни-смерти своих горожан.
У метро я родился, где ветка
Цвета синего: баклажан.

В поездах и автобусах – давка.
Распихал, как баранов, пастух.
Этот город - удав и удавка.
Проглотил горожан и распух.

Мы не люди уже и не звери,
На себя махнули рукой.
Этой правде не всякий поверит,
С Богом тихо уйдет в упокой

* * *

Зал притих. Зал молчок.
Лишь взлетает смычок.
Лишь волшебная скрипка -
Вдохновенно и гибко.

Ах, волшебная скрепка
Сразу всех, как листы,
Так легко нас скрепила.
Звуком души слиты.

Через час зал растаял.
Улетела на юг
Перелетная стая,
Что присела на луг

ДЕРЕВЬЯ

Отшумели, отцвели –
Этим виноваты.
Под конвоем привели, -
Подошли расплаты.

Полуголых, босиком,
Под взгляды неба с просинью,
Стаи капель дождиком
Рвут одежды осенью.

У рябин сочится кровь,
В кронах – иней проседью.
Покрывает снег без слов
Тела чистой простыню.

Отгремит весной гроза.
Посмотрите видно:
Раскрыв зеленые глаза,
Цветут, шумят завидно

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

Саше

Порывом ветра вдруг взметнет
Пух тополиный, словно стаю.
Недолг летний снег. Растает.
Сугробы... Летний гололед.

Жара. И каждый вдох тяжел.
Воздушным вкопанным столбом
Стоял прозрачный Лета Дом.
И пух по комнатам пошел.

Линяет воздух, шерсть летит.
Дрожит дыхание овчарки.
Из пасти неба желтый, жаркий
Свисает солнечный язык.

Цветет вода. Цветет и воздух.
Весь пятый океан цветет.
Тих одуванчиков полет,
как принятый монахом послух.

Как детский лепет этот пух.
Он нежен, легок, непослушен,
Он над асфальтом серым кружит.
К наждачным замечаньям глух.

Укрыл пуховым одеялом
Молчанье старых площадей,
Взметнулся от шагов людей.
И снова свился покрывалом.

Котенком дымчатым лежал.
Вдруг – врассыпную, мановеньем
На сотню бабочек мгновенно
Пух разлетелся и летал.

После дождя, что лил навзрыд,
Москва в пуху, как линчевали,
Как мечь, как всхлип, как крик отчаянья.
Ведь слабого обидеть - стыд.

Стемнеет. Шорох чиркнет слух.
Зажегся вечером от спички.
Как порох вспыхнет, так обидчив.
Мой тополиный, легкий пух.

Развеет ветер, прям и груб,
Чуть сероватый, ломкий пепел.
А я все вспоминаю лепет
Тех шелковистых, пухлых губ

МЕТРО

Герб волшебника – схема метро.
По утрам в заколдованной схиме,
Золото разменяв в серебро,
Мелочь сыпем в ладони сухие.
Эскалатор ручья да вагонов стекло,
Человечий песок непромытый...
Посмотри: сколько нас натекло,
Как глубоко надежды зарыты.
Что метро? Живая гробница.
О богатствах не знает никто.
Вот бок о бок со мною царица,
В полусне и дешевом пальто...
Неужели живьем закопали,
Чтоб унес нас вагон голубой.
В те подземные темные дали,
Где сроднились, не сбылись судьбой.
«В этих давках вагонных приснилось, –
Говорил незнакомый сосед, -
Ведь зачем-то, скажите на милость,
Мы прижаты вот так столько лет?»
Из туннеля гремющей походкой,
Как из ножен – шпагой по сну,
Поезд длинною, узкой подлодкой
Лязгом вдребезги бьет тишину

ЭКСКАВАТОР

Над растекшейся речкой-траншеей
Мегалебедем – полный вперед –
С «независимо» выгнутой шеей
Экскаватор изящно плывет.

Сизым облаком дышит устало.
Дизель сердца стучит тяжело.
Как ожившая груда металла
Агрегат проползет за село.

Так посмотришь: работник могучий.
Поднимает легко связку труб.
Так посмотришь: уroda не лучше -
Неуклюж, примитивен и груб.

Ковш протянут ладонью раскрытой.
Горсть земли бросит кто, проходя?
Небо тучами плотно закрыто.
Мелочь сыпется звоном дождя.

Механизмы отжившего века –
Экскаватор, бульдозер и кран.
«Современники» человека.
Кто напишет о них-то роман.

Механизмы, вошедшие в свиту,
Молчаливы, слепы и немые.
В свите времени вы по лимиту.
На строительстве времени мы.

Инвалид однорукий откашлял.
Гидравлично-шарнирная связь.
Заржавельй, забытый, пропавший
В хламе свалки стоит, наклонясь.

Странной сутью в тебе отразились
Жизни века, - отжатый итог.
Я, у времени впавший в немилость,
Точно так же, как ты, одинок

* * *

Вновь у собак вздымалась шерсть
На автопробки и заторы.
В ответ дрожала мелко жечь,
урчали мощные моторы.

Усмешка горькая творца:
«Вы сами заварили кашу...»
Цивилизация конца –
Удушье выхлопа и кашель

* * *

Кто отравил тебя, прозрачная?
Спрошу и сделаю глоток.
И лягу тайной ночью брачную
На теплый и родной песок.
И горечью своей отмечена -
Ответит шепотом судьбы
Прозрачно-вечно-подвенечная
Вода отравленная: «Ты» ...

ЛИСТЬЯ

I.

Догорает зеленый костер...
Так по осени лето сгорает.
Изгоняли вот также из рая –
Пепелища шуршащий ковер.

В обнажено-стыдливом саду
слышен шепот шагов, пахнет мята.
Под ногами листья-котят.
Черный ворон сидит на дубу.

Осень бьется за тонким стеклом.
Сыроватый прибор по сезону.
Волны ветра ударили в крону
Брызги листьев летят под углом

II.

Воздух ожил, шевелится весь,
Окропленный кружением с веток.
Воздух в оспе рябой от пометок.
До чего же печальная весть.
Клубы дыма, что в небо гонцы.
Лягушачью вновь шкурку сжигаешь.

Что, Иван, неужели не знаешь –
В нашей сказке другие концы.

Мой народ, что с тобой? Не молчи!
Листья машут прощально ладонями.
Пьяно падают, словно опоены,
Наглотавшись ветров у корчмы

III.

Догорает зеленый костер –
Так недолгое лето сгорает.
Истекает тепло, истекает
В лицах братьев моих и сестер.

Стаи птиц улетают на юг.
Листья тоже летят, но на землю.
Возвращаются в почках к апрелю
И на ветках из гроба встают

* * *

Солнце утро острогой пронзит.
Голубая вода – небосклон.
Проплывает, бесшумно скользит
Стая рыб – стая черных ворон.

А над ними плывут облака,
Нежно, бережно крылья сложив.
Чистят клювами белы бока,
Опустившись на синий залив.

Потемнеет небесная гладь.
Звезды лягут, где вместе, где врозь.
Это Осень стряхнула опять
В воду листьев кленовую горсть

ГЕРБАРИЙ

Холодный чай осенних луж,
Настоянный на листьях,
Уставших от зеленых служб
И на земле притихших,
Законсервирует мороз,
Ледком стекла закроет
Воспоминанья летних гроз
С топотом по кровле

* * *

Пылает осени костер,
Янтарный и багряный.
Искры-листья как раздуть?
Взметнулись и падут.
И, пролетев свой плавный путь,
Прожгут прозрачный воздух
Насквозь. До тела. До земли
И лягут в мерзлый грунт.
Опавшим листьям что грустить?
Раздолье на природе.
Сухие листья – детвора
Осеннего двора –
Подняли шум и кутерьму,
С ветрами хороводят.
Гоняют в салочки с утра
Сегодня, как вчера.
А осень - их больная мать -
Все головой качает,
С усмешкой горькой на лице
Последних теплых дней.
Но детям горечь не понять.
Тогда она, отчаясь,
Рукой дрожащею дождей
Взмахнет. Прощайся с ней.

И сиротливостью дохнет
Пришедшее ненастье.
Окрасит травы желтизной
Дыханье холодов.
И стылой грустью подойдет
Щемящее молчание.
И ночью, кто с тоской вздохнет
В глуши сырой, лесной?
Останется осины лист
На веточке, как память.
Цветным трепещет лоскутком
Средь холода зимы.
А пламя осени лежит –
Поверженное знамя –
Под снегом, словно под чехлом
Слепящей белизны ...

* * *

Мороз дает всем прикурить.
Даже некурящим.
И выдохами из груди
Летит парок изящно.
Шагают пары барами
От лиц идут пары.
Да на щеках пожарами
Румяные шары.
Облачным словечком,
Курчавым говорком
Звук вышел на крылечко –
По стуже босиком.
У малыша миндалины
От морозной дозы:
Белыми медалями
Выдыхает розы.
Два человека – диалог.
Извольте видеть, слушать.
Два корабля, где каждый слог -
Пальба фрегатных пушек.
Материализация.
Воздух – дух – туман.
Зимы цивилизация,
Холодов дурман

* * *

Смотрите, туча-то
Что отчебучила!
Всем нахлобучила
Шапки снегов.
Теперь по случаю
Снегосыпучему
Белыми кручами
Лежит покров.

Лед аметистами
Сверкает истово –
Брильянты чистые
Белых богов.
Вей небо кружево
Мягко и плюшево,
Вся отутюжена
Постель лугов

* * *

С неба молоком
Разлилась зима.
Пьется с холодком,
Сводит всех с ума.

Чистая страница
Новеньких снегов
От лучей искрится.
Разлив без берегов...

Пусть мороз под тридцать
Пробирает вновь –
Смеется и резвится
Зимняя любовь.

На крыши нахлобучила
Белую чалму,
С челками колючими
Сосулек бахрому

* * *

Облака пролетного наклонен стакан.
Тыквенные семечки сыпятся в карман.

Щедрость погоды. Торговля сезона...
Прохожих следы в гипсе газона.

Скатерти крахмальные накрыли на столы...
Холодными закусками уставлены, полны.

Снегопад шампанского опьяняет варьез.
Бокал пространства с пеной снежных брызг.

Леопард пятнистый прыгнул и повис.
Местность разрисовывает импрессионист.

Разве это хищник? Он, как голубь, чист.
Над землей кружится и молчит.

Кольшется дыханием легкая вуаль.
Белый танец воздуха. Месяц был февраль.

Приходишь оснеженный. На шапке гора.
Корону перед входом стряхивать пора

ДЕМОНЫ

Демон тайны обладанья
В темноте живет утех.
Каторжной дорогой дальней
Не заштопать грех прорех.

Демон горестной обиды
Вдруг ошпарит кипятком.
Болью изнутри облитый
Замолчишь - и в горле ком.

Демон ревности терзает,
Спать спокойно не дает.
Ты - в капкане, словно заяц,
Что вмерзает в снег и лед ...

Демон гордости заносчив,
Сверху вниз он говорит.
Не дает уснуть до ночи
Твердолобый, как гранит.

Убежать хотел однажды
Я от демонов души
Но они мне: «Ишь, ты, как же ...
Рановато, не спеши ... »

* * *

А звалась она странно – Амалия,
Говорили: «У ней аномалия».
Появлялась она то в Италии,
То в России... Или в Германии.

В тех местах, где гостила Амалия,
Начиналось какая-то мания.
На кино, на любовь, на свидания.
И касалась талии талия...

И тогда все друг друга дурманили,
Догоняли и взглядами плавил...
Начиналась у них аномалия
Из-за дамы, что звалась Амалия

* * *

Приходил со вздохом «Эх»
Душными ночами
Тихий, скромный мальчик Грех
С грустными очами.

И о чем-то всё молчал,
И смотрел призывно...
Без преамбул и начал
Говорил наивно.

«Так уж вышло, извини...
Ты себя не мучай.
Нет твоей большой вины.
Я - твой редкий случай»

АНГЕЛЫ

Как-то ночью под луной
Играли ангелы со мной.
В пальцы залетали,
Струны прижимали.
И разлетались в стороны
Мелодиями вороны.

Прилетала на метле
Черно-белая в огне
Ангелочек-спичка –
Девчонка-невеличка.
Согревала душу
В ледяную стужу...

А потом снежинки –
Ангелов смешинки
Затевали танцы
С неба новобранцы.
И белыми стихами
На крышах затихали ...

ЧАЙ

Чай состарился, остыл.
Горячий темперамент.
Отклубился. Отпарил.
Старость. Умирает.

А когда-то жар будил
Загорелым личиком.
Целовался «до без сил»
И снова лился лириком.

Бесшумным тающим галопом
Пар вырывался? Нет, душа.
Из глубины бурлящих гротов
Он разливался, чуть дыша.

Вновь клокотал и рвался прочь,
Бежал ручьем. Был непокорным,
Но разве мог он превозмочь,
Что так журчало, пелось горлом.

Горячим шепотом пушил,
Ласкал лицо своей хозяйки.
Раздал себя до дна души –
Всего. Глотками. Без утайки

КИНО

За стеною шум возник
Отсвет-просвет, шепот – крик.
Словно в клетке прыгал
Обезумевший инстинкт.
В темном зале в белый день
На экран, - не на плетень,
Голая пришла и пляшет тень.

Взглядом прикоснись, чуть трожь:
Пропадешь за медный грош.
Током бьет, трясет
Её невидимая дрожь.
Разрешаешь или не,
Наваждением во сне -
Тень с экрана вынырнет во мне.

Света и теней игра.
Луч, как бритва, как игла,
Режет и сшивает судьбы
От угла и до угла.
Лунным светом выткана
Кинолента свитая
Узенькой тропинкой пролегла

Пусть вокруг темным-темно.
Но прорублено окно
В мир огромный и прекрасный
Разного кино.
И с другими наряду
В кинозал когда войду
Заболею, словно я в бреду.

От экрана стань другой.
Мертвой ли, живой водой ...
Ты счастливый и несчастный,
Зрячий и слепой.
В потаенной глубине –
Вместе и наедине ...
Факел фильма, словно свет в окне

КОКТЕЙЛИ

Вино темнеет вечера.
Густеет на глазах.
Огнем реклам подсвечена
От дождика слеза.
Бокалы окон светятся
Судьбами людей.
Напиток в стеклах пенится
Брожение страстей.
За тем окном восторженно
Поют. Левой – скандал.
Правее – чай, пирожное.
За стенкой кто рыдал?
То в крике, а то в шепоте -
Коктейлей череда.
В квартире, словно в омуте,
То радость, то беда

МОЛЬ

В свет от лампы влетела из тьмы.
Словно пойман в сачок самолет.
Моль кружила. Узоры видны.
Строчкой пьяной, мягущейся шьет.
Залп зениток – ладоней разрыв.
Ей оваций неистовый гром...
Вещи все осмотри, перерыв,
Не найти тайный аэродром.
Увернулась. Ушла в темноту,
И зарылась в шерсти, как во мху,
Уязвимая лишь на лету,
Что металась по воздуху.
Моль - проклятие в нашей квартире,
Вроде чисто - ни грязи, ни пыли.
Вынешь свитер. Наденешь – как в тире,
Словно очередь прострелили.
То ль от жадности или неволи...
Не хватает нам свежести что ли?
Развелись по квартирам и в доме
Насекомые хищные моли.
Хоть расплющено тельце в ладони -
Вновь летает, витает, смотри...
Не со мной ли моль эта в доле,
Что съедает наш дом изнутри?

СТАРЫЙ САД

Сломаны руки веток,
Ломки, сухи стали сучья.
Ветер уносит деток.
Участь у листьев сучья.
Ноги всосала глина.
Корни разбиты, сыры.
Черви точат и клинят.
Дупла в стволах да дыры.
Но падают ядра ябллок
Взрывом созревших песен.
Цвет их прекрасен, ярок.
Вкус их сладок и весел.
Сочная музыка сада –
Груши, яблоки, сливы.
Крона до рая, корни до ада ...
Сады стоят молчаливы
Музыка старого сада
Сыграна и пропета.
Наверное, так и надо.
Зима накрывает лето.
Чтобы весной и летом
Стать ароматом, цветом ...
И обниматься при этом
С теплым и нежным светом

* * *

Когда придет к тебе печаль
И встанет у порога тенью –
Рукой откинь ее вуаль
И обнимись с мадмуазелью...

Вам будет хорошо вдвоем
Под перебор твоей гитары...
Прошепчет вдруг она: «Споем?
За встречу выпьем, друг мой старый...»

И за струной звучит струна.
И лодка бьется у причала...
Печаль посмотрит чуть пьяна:
«Я по тебе давно скучала...»

Когда уйдет твоя печаль,
Растает на пороге тенью –
Ты ничего не отвечай
До новых встреч с мадмуазелью

ФЛЕШКА

* * *

Плещется, плещется
В памяти женщины.
Она и крестьянка.
Она и помещица

* * *

Разметали ветра
Облаков стога...
Улыбнулась с утра
В небе радуга.

Почему внутри
Так светло в глуби?
То признание: смотри –
Двух озер в любви

* * *

А Любовь цвета радуги
Просто светит и радует,
чтобы взялись все за руки
От Гудзона до Ладоги...
А Любовь пахнет ландышем,
Что встречаешь в лесу, дыша.
И взлетает легко душа
Удивлением малыша ...

ЩЕДРОСТЬ

То ли ты простыл –
В голове туман.
Сложно быть простым,
Не сойти с ума.

Подари, раздай –
Нищие кругом –
Свой апрель и май
С теплым ветерком...

* * *

Ты больше не горюй,
А нежные мосты
Построит поцелуй –
Любитель тесноты

ЛОДКА

Кто-то глушит водку
За свои рубли.
Вспоминает лодку
Затопленной любви.
Как она качала,
Смеялась и несла...
И плакала от счастья
Каплями с весла...

* * *

Наташе

Облака моей тоски
Ветры рвали на куски.
Открывали наяву
Мне надежды синеву.
Помогал им солнца луч,
Раздвигая пасмурь туч.
Он дарил земле тепло,
От которого светло

* * *

Набухают влагой тучи
И вот-вот дожди польют –
Из глубин земли чтоб лучше
мог цветов взойти салют.
Мы с тобою прорастаем,
то цветами, то травой.
прилетаем птичьей стаей
и галдящей детворой...

КАПЛИ

Укрыл бы и спас.
Да дождь был сквозной...
Листики глаз
С дрожащей слезой...

* * *

Снег щекою ляжет
на твои следы,
на пустые пляжи,
где гуляла ты...

* * *

Лыжи ... горы ... виражи.
Вихри мчащейся души.
Только крылья не сложи –
И лети, пари, кружи...

* * *

Дрожащий голос тихой свечки
Да не погасят сквозняки.
Гори огонь простой и вечный,
Как ночью в море маяки.
В стебле свечи – бутона пламя.
И от него - в душе пожар
Горит, трепещет света знамя
И освещает земной шар

* * *

Сердце – алый бубенец –
Колокольчик под дугою.
Не затихни, сорванец,
Бейся дольше под рукою...

* * *

Ах, душа - моя зверушка.
 Что ты смотришь и скулишь?
 Мир сломался, как игрушка.
 Пустота кругом и тишь

* * *

Под шепот губ: «Не погуби» -
 Летает бабочка Любви.
 Её не видно, не смотри.
 Снаружи - нет, она внутри

КОСТЕР

Руки темные простер
 Вечер звездно-бархатный.
 Он – сладостна. И костер
 Тает алым сахаром

СПИЧКА

Цветочек аленький горит.
 Цветет всего один раз в жизни.
 Пришел из коробка отчизны, -
 Той, что в кармане чуть гремит.

Секунды вспышки – счастья дни.
 Дюймовочка огня танцует.
 Мольба любви и поцелуев.
 Смотри, ее не урони.

Ей отвечают только те,
Кто сам внутри огонь имеет.
И, загораясь, он хмелеет.
Любовь – ты пламя в темноте.

Угаснет пламенная страсть.
И станет скрюченной старушкой,
Сама себе уже ненужной, -
Не жаль ей согнуться и пропасть.

Стихает пламени волна...
Обуглилась и обгорела.
Такая о любви новелла
Финалом пепельным полна

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

Стекло влюбилось
Вдруг в асфальт.
Скажи на милость!
Рванулось. Полетело вниз.
Ну, и разбилось...
Кто виноват?
Несовместимость...

* * *

Вдруг предчувствия нависли,
Покатились по лицу...
И старик притих от мысли,
Что подходит жизнь к концу

* * *

То прилив, то отлив...
Рокот слышен пророчества.
Ночью, не тороплив,
Океан с боку на бок ворочался

* * *

Даже если мы врозь
С опечаленным взглядом,
Одиночество сбрось
И увидишь - мы рядом

ФЛЕШКА

Помнит все до крошки
флешка в форме брошки.

**ПИСЬМАМИ НЕБА —
ОПАВШИЕ ЛИСТЯ**

КРУГ

Под сердца стук,
Объятья рук,
Сплетенье мыслей
И дыханий
Рождался
Тот извечный круг,
В котором боли утихали.
Глотком пьянящим –
Поцелуй,
Немного сладко
Полоумный...
Дождливой арфы
Струны струй
Перебираешь
Ночью лунной...
И шире раздавался круг
Туда, где никогда ты не был,
И раздвигал объятья рук
До гор, морей, лесов...
До неба

* * *

Грусть поскорее сбрось,
Вылетит в небо стриж.
Дождь проникает сквозь
Ветви и щели крыш.

Строй из надежды мост
Спешит по нему гость.
Закон единенья прост,
Как вбитый по шляпку гвоздь.

Во сне приходят мечты,
Песней летят из уст.
Пришла бы к нему ты –
Расцвел бы сирени куст.

Главное, ты – внутри.
Молча всегда говоришь ...
Слеза навернулась? Утри, -
Сел на плечо твое стриж

* * *

Ты раскались и прыгни вниз
В судьбу холодно-голубую.
И плавно, как осенний лист,
Ветра сорвут тебя, задуют.

В другую жизнь. В иной устав,
В обычаи совсем другие.
Лучи иль брызги разметав,
Пройди насквозь струи тугие.

Сомкнется прорубь над тобой.
На дне ее, почти у края,
Вдруг вспыхнет новою звездой
Судьба твоя, а не чужая

* * *

Плыви, плыви моя ладья.
Плыви в далёкий путь.
Вода – журчащая судья
Твою ласкает грудь.

Ты тяжесть груза и обид
На дно свое сложи.
Закат малиновый разбит
На волнах бликами дрожит.

Окончен бал. Погост – причал.
Ладья и капитан в земле.
Крест деревянный повенчал
В могиле, как в ладье.

Остались у ладьи права -
Плыть в дальний, долгий путь.
И пусть зелёная трава
Твою ласкает грудь

* * *

Если напророчат
Мне мои же сны,
Как белеют ночи
И чернеют дни ...

Из душевной пряжи
Я стихи свяжу.
И, надеюсь, даже
С мелодией сдружу.

Песня мне поможет
Не клянуть судьбу.
И я верю, Боже,
Что к тебе приду.

Мир то прост, то сложен.
Воскресни и умри.
Будешь растревожен
До утренней зари.

Если издалече
Ощущаешь близь.
Значит и при встрече
Сердцем улыбнись

* * *

Когда качелями
Предназначения
Влечет от радости
К огорчению...

Тогда из терема
Нежного дерева
Бреду потеряно.
С бедой немереной.

Но ветер севера
Дурманом клевера
Навеет веером
Мечты доверия...

Лошадку времени
пришпорю стремянем,
Лететь чтоб к терему
Нежного дерева

НАСТОЙКА

Время позже скажет:
«Я - настойка смерти
Средь напитков разных,
Чудобытия»
Молодость сорвется,
Прокричит: «Не верьте.
Вечны мы, как боги.
Юны ты и я»
Но настойка зреет,
Крепнет год от года.
Сеть морщин покроет
Тело и лицо.
И однажды грустным
Тающим аккордом
Кто-то тихо сядет
На старое крыльцо.
И тогда невольно
Сам себе он скажет:
«Уходя из жизни,
Не плачь и не грусти.
Так на свете было
Да и будет с каждым...
Птицу, песню, душу
В небо отпусти»

* * *

Марине Цветаевой

Паутину бросит в дрожь.
Лучше тонкое не трожь.
Если видишь, что не свить,
То не рви, не порти нить.

Коснись, но не тронь,
Уйди, но не кань.
Неси свой огонь
Во тьму-глухомань.

От зимы до весны
Утомилась душа.
Выручай ее сны,
Беды все сокруша.

Умри, чтобы быть.
Лежи, чтобы встать.
Закрой, чтоб открыть.
Молчи, чтоб сказать.

В горле сохнут слова.
Жизнь трудна и скудна.
Стих-прорыв, дурман-трава –
Сохрани, укрой у дна.

Бросай, но не кинь.
Гори - не сгорай.
Глаза твои - синь.
Душа – ад и рай.

Чьи пролягут следы
По снегу до двери?
Как заклятье от беды
Ты слова те повтори.

Коснись, но не тронь.
Уйди, но не кань.
Неси свой огонь
Во тьму-глухомань

СПАСАТЕЛЬ

Александр Зборовскому

Он так шагал,
Как Марк Шагал...
Летал и падал,
Как Дедал.
Он созидал,
Всех понимал.
И мудрым сердцем обладал.

Он чутко спал,
Когда у скал
Шторм лодки
В щепки разбивал.
Он успевал,
И всех спасал.
Горячим сердцем согревал.

А в карнавал
Он ликовал.
Он так шутил
И удивлял,
Что каждый тихо ощущал –
Он всех нас сердцем обнимал...

КОНЬ

Корка черного хлеба в кармане.
Вымеряю дорогу словами.
У дороги своей на аркане
Я бренчу на разбитой гитаре.
Конь взметнется, меня понесет,
Перейдет конь из рыси в намет.
Ядовитого смрада болото,
Где от страха начнется икота,
Копошится змеистое что-то.
Клубы черных гадюк. Нет ли брода?
Конь взовьется и сможет умчать,
Стоит только ему лишь начать.
Конь по звездам помчит мимо бора,
Чуток слушая струн разговора,
От восхода летит до захода.
Топчет злого он ворога-вора.
В ту сторонку родную летит,
Где раскинулись руки раки.
Шестикрылый мой ангел-хранитель,
Шестиструнное счастье, звените!
На ухабах коня извините.
Дом мой – путь мой. Такая обитель.
Конь за счастьем несется вперед.
Он найдет, непременно найдет

* * *

Послушай, Дорога, ты знаешь так много...
Капелью растает сосулек хрусталь.
Снежком запорошена наша тревога,
Но тянет и манит дорожная даль.

Приходит прозрачное время итога.
И музыка льется пророческих снов.
Другая Дорога стоит у порога
И хочет сказать что-то взглядом без слов.

Уходим друг в друга мгновеньем зачатья,
Вбираем дыханье, касанье в ночи...
До гроба храним за седьмою печатью,
Что каждый узнал, и об этом молчим

ПРИГЛАШЕНИЕ

Нынче время такое пришло –
По инерции жить... По инерции.
На гондоле по глади Венеции,
Как вода сквозь забот решето.
Нынче время мое подошло.
Как-то вдруг так меня переплавало,
Что отправился в дальнее плаванье,
За звездою, с которой светло.
По-другому на мир я смотрю,
С точки зрения Вечности, что ли.
Там иные доли-юдоли...
По-другому там видишь зарю.
Продираюсь. Уколы куста,
Неожиданности... повороты.
Я люблю также эти заботы,
Но без Вечности жизнь так пуста.
В двух мирах поселился, живу.
В двух домах – это трудно и больно.
Но зато интересно довольно!
Приглашаю зайти наяву
Но дорога пройдет по ножу.
По отточенной временем стали.
Меж домов этих. Что же вы встали?
Я с застольем своим погожу...

* * *

Письмами неба – опавшие листья
На парашютах десантников сбросили.
В пламени-знамени слиты их лица,
В горечи дыма сгорающей осени.

Хлеб зачерствеет, накроет полстопки.
Водкой поминок не смыть в душе ношу.
Как задохнулись в разбитой подлодке
Гости Харона неожиданно, непрошено.

Взрывы домов, переходов подземных...
Буднично стало прощание с Родиной.
Сами готовим кровавое зелье
Красной и траурно-черной смородины.

Что же душа так измята и скомкана?
С внешним прощаюсь седеющим обликом.
Птица влетает случайная в комнату,
Чтобы позвать за собою на облако.

СРЕДИ РАСПАХНУТЫХ СТРАНИЦ

До сих пор «проявлено» для читателя Борис Примочкин существовал в таких творческих профессиях, как фантастика и журналистика. Другим, родным, а также избранному кругу поклонников повезло узнать его и как проникновенного барда. Увидеть, как этот по особому внимательный к миру, интеллигентный и загадочный человек, обладающий негромким голосом, с гитарой в руках превращается в артиста. Услышать, как лёгкая хрипотца голоса в сплаве с энергией души заводит слушателя, привносит страстность, печаль, гордость, отчаянье – всё то, что мы так ценим в хорошем, искреннем авторском исполнении. Но долгие годы у Бориса была ещё одна своя «зона», думаю отчасти даже подспудная – это поэзия. «Скрытая» во многом и от многих линия жизни. «Подспудная» – подобна лаве, которая «спит», набирая энергию выхода, чтобы однажды выплеснуться наружу, стать раскрытой, как окно или дверца души настезь - в мир. Счастье, когда такое случается с человеком. Ещё лучше, когда об этом «превращении-открытии» можно поведать с помощью языка – музыки ли, красок ли, слов ли, - настезь – другу, подруге, незнакомцам, - читателю.

«Открытие» во всех смыслах произошло. Оно явилось в образе поздней книги стихов. Имя ему - «Настезь».

«Настезь» - взаимопроникновение двух стихий – той, которая внутри и той, которая снаружи – «Среди

распахнутых страниц». Стать свидетелями этого взаимопроникновения и приглашает нас «виновник» рождения данной книги.

Воспользуемся этим приглашением.

Стихия «снаружи», как впрочем, в дальнейшем и «внутри», в зоне Бориса не обещает ни спокойствия: На разломе живём, на провале..., ни безопасности: Облучает любовная зона. Действо «настежь» происходит и с рекой: Лёд по реке плывёт разбитый. Оковы сбросила вода... и далее: От распечатанной бутылки Качнуться пьяно берега..., и с душой: Солнечный ветер любви Веет в сердцах изнутри...

Нельзя открыть настежь что-либо медленно, поэтому «Настежь» - действие быстрое, резко-шумное, поэтому скорость становится важной составляющей способа жизни: Так в брызгах лет и мчит судьба... или: Плыви, плыви моя ладья, - где двойное «плыви-плыви» даёт необходимое ускорение, но герой должен освободиться: Ты тяжесть груза и обид На дно свое сложи.

Открыться «настежь» может побудить только Любовь. Ко всему в мире, и к самому миру. Иначе – для чего? – совершать это непредсказуемое по последствиям действие?

Противовесы внутри-снаружи у Бориса Примочкина взаимно-отражающиеся и перетекающие друг в друга.

Прощальный, предрассветный час

Подарит пытку и усладу.

И с откровенностью нет сладу

Там, за дверьми закрытых глаз.

А из раскрытого окна
 Прохладным воздухом аллеи
 Ночь веет, тает и светлеет
 Воспоминаниями сна.

(Прощальный, предрассветный час)

Какие же стихии властвуют в «зоне»? Прежде всего, огненная, и не удивительно, ведь зодиакальная стихия Бориса-стрельца также огонь: В ночи костер - огня заплата...; Миг, оплавленный общим огнем. Родная стихия воспевается порою строками, сравнимыми по звучанию с гимном:

Дрожащий голос тихой свечки
 Да не погасят сквозняки.
 Гори огонь простой и вечный,
 Как ночью в море маяки.
 В стебле свечи – бутона пламя.
 И от него - в душе пожар ...

(Дрожащий голос тихой свечки)

Но равновесие стихий, а чаще всё же их противовесность, спор-перетекание – превыше всего. Поэтому к «линии огня» прибавляется «линия воды». И если: Мне пора уходить вместе с дождиком, то рядом: Вспыхну ярким обидчивым порохом; если далее: В холода все мечты заморозило, то в следующей строке: В небе светит ночная звезда. В противостоянии огонь-вода естественно рождается и восприятие мира как взаимодействия холодно-горячо: Ты раскались и прыгни вниз В судьбу холодно-голубую. В какой-то момент ощущения от стихий и их воздействия становятся столь схожи,

что становятся равны: Лучи иль брызги разметав...
 Превращенная зимой стихия воды всё в том же контрасте с огнём: Шагают пары барами От лиц идут пары. Да на щеках пожарами Румяные шары..., или: Забинтуй пургой Ожог горючих дней... В фантазмагоричном «Как-то ночью под луной» спасительная

Ангелочек-спичка –
 Девчонка-невеличка.
 Согрела душу
 В ледяную стужу...

Защита от стихии снаружи – противоположная ей стихия внутри: В мороз костром пылай, В жару замерзни льдом... Стихии, как и времена года, порою настолько созвучны внутреннему строю, что стихотворное чувство происходит через природные состояния, составляя одно лирическое целое: Листопадом прорвусь В ту осеннюю грусть. Раз не нужен - так пусть, Льдом на лужах замкнусь...

Стихия воды может быть и домашней, камерной даже. Так, воплощение известной поговорки «буря в стакане воды» неожиданно осуществилось у Бориса в стихотворении «Чай», который «состарился, остыл», но помнит, как Бесшумным бешеным галопом

Пар вырывался? Нет, душа.
 Горячим шепотом пушил,
 Ласкал лицо своей хозяйки.
 Раздал себя до дна души
 Всего. Глотками. Без утайки.

Вода умеет разливаться, легко заполняет целиком

любые сосуды. Линия макрокосмоса в микрокосмосе в книге Бориса Примочкина очень интересна, и далее о ней будет идти речь отдельно. В стихотворении «Коктейли» стихия воды неожиданно заполнила целый город, превратив его в уютное макрокосмическое «застолье»:

Бокалы окон светятся
 Судьбами людей.
 Напиток в стеклах пенится
 Брожение страстей.

Любовь - стихия, равно сосуществующая в ипостаси как огня, так и воды, соединяющая и вбирающая их в себя. Когда пылают от стыда В старинном платье первородном В том ... обнаженно-превосходном ... Или: И двутелой лодкой Плыли две души. Она, Любовь – и есть главная героиня «зоны» Бориса Примочкина, в равной степени губительная, вспомним: Облучает любовная зона, и – притягательная, вне которой жизнь бессмысленна: Приснится долгий поцелуй, Как затяжной... на парашюте. Лирического героя Бориса не коснулись модные ныне тенденции бесчувственности, «холоднокровности», особенно распространённые в лирике поэтов мужчин. Избежим термина «мужской поэзии», равно как «женской», приняв за аксиому, что Поэзия не имеет пола, но Поэт – имеет. Борис Примочкин – поэт прежде всего страстный. Эта страстность воплощается во многих и многих его строках:

В том начале было слово,
 А в конце прощальный взгляд ...

И смирительного снова
 Одиночества наряд.
 (В том начале было слово)
 Без тебя я похож на глухую тетерю,
 А с тобою взлетаю, токую, шалею ...
 Вновь разлука меня превращает в потерю.
 Одиночество душит веревкой за шею.
 (Тетеря)

Чувства имеют свою «стихию». Причём изменчивую. Иногда – противоположную. Так, обида в «Осени» существует всецело женской водной стихией:

Слезы ночью, слезы днем ...
 Обидчивая женщина.
 Плачет с дождиком вдвоем
 прозрачна и не венчана.

Однако в «Тополином пухе» обида пребывает уже в ярко выраженном мужском огненном обличии:

Как порох вспыхнет, так обидчив.
 Мой тополиный, легкий пух.

У героя есть ещё одна стихия, подруга его бардовского бытия, это – олицетворенная Гитара, голос и суть поэта. Она – живая, живое существо (двугорбый верблюд, конь, ангел), она – второе «я». Любовь к ней – непреходяща.

Двугорбым, печальным верблюдом
 В молчанье барханов недель
 Лежала заброшенным чудом.
 (Гитара)

Обнаженных нервов голь,

у гитары ... Струны тронь.

Я спою тебе, позволь,

Лед растопит мой огонь.

(Я дышу тобой одной ...)

Я бренчу на разбитой гитаре.

Конь взметнется, меня понесет.

Шестикрылый мой ангел-хранитель.

Шестиструнное счастье ...

(Конь)

Следующие «противовесы» поэзии Бориса Примочкина – город-природа. Противопоставленные друг-другу, средоточенные своим конфликтом в душе человека, они провоцируют внутренний излом. Родившееся в конце двадцатого века словосочетание «экология души» проявляет себя в полной мере в стихотворении о городе:

В поездах и автобусах – давка.

Распихал, как баранов, пастух -

Этот город - удав и удавка.

Проглотил горожан и распух.

Мы не люди уже и не звери,

на себя мы махнули рукой.

(Этот город – большая насадка)

Вина и ответственность за экологию, не только собственной души, но и природы – на человеке, из-за чего не покидает чувство горечи глубокой:

Кто отравил тебя, прозрачная?

Спрошу и сделаю глоток ...

... И горечью своей отмечена -

Ответит шепотом судьбы
 Прозрачно вечно-подвечная
 Вода отравленная: «Ты» ...
 (Кто отравил тебя, прозрачная?)

Борису никак не свойственна величавость и ложная пафосность в описании-чувствовании природы. Она точно такая же в своей хрупкости, детскости, женственности даже зачастую, как мы, совершенно очеловеченная:

Ночью не тороплив
 Океан с боку на бок ворочался.
 (То прилив, то отлив ...)

Листики глаз
 С дрожащей слезой ...
 (Укрыл бы и спас)

Осенняя палитра
 В цвете скромный куст ...
 Лист с его пюпитра
 падает от чувств. (Куст)

Стихии не только противоположны, но и сходны порою, оказываются чудесно близкими:

Рыбой бьется за тонким стеклом
 Сыроватый прибой по сезону.
 Волны ветра ударили в крону –
 Брызги листьев летят под углом.
 (Догорает зеленый костер)

Солнце утро острогою пронзит.
 Голубая вода – небосклон.
 Проплывает, бесшумно скользит

Стая рыб – стая черных ворон.

(Солнце утро острогой пронзит).

Природа – вместе с женщиной, Родиной, гитарой – самое близкое для Бориса, она для него не «посторонняя», даже городская природа живёт в его стихах полнокровной «природной» жизнью, не умалённая соседством с городом ничуть. Разве что при всей своей самодостаточности и независимости, она всё же, будучи очеловечена, нуждается в сочувствии, внимании, заботе, любви в конце-концов ... Осень воплощается в женском облике то «обидчивой женщины», то «больной матери», которая Все головой качает ... , глядя, как

Сухие листья – детвора

Осеннего двора.

С ветрами хороводят.

Гоняют в салочки с утра ...

Но «больная мать» всё же больше похожа на Феникса, который возродится, нежели на «умершую»:

А пламя осени лежит –

Поверженное знамя

Под снегом, словно под чехлом

Слепящей белизны ...

Осень сменяется звукописной, «говорливой» (в этих переливах возбуждённых «бурчалок»: «бу-бу», «ча-чи-че»), богатой и полнокровной «по-своему» «Зимой»:

Смотрите, туча-то,

Что отчебучила.

Всем нахлобучила

Шапки снегов.
 Теперь по случаю
 Снегосыпучему
 Белыми кручами
 Лежит покров.

Техника – не производное, а именно «детище» человека, посему она в равной степени относится как к человеку, так и природе, и, соответственно, столь же страстно очеловечивается Борисом. Мир «вещен», техника «вещь», для философа «вещь в себе» таит смысл, для поэта же – ещё и жизнь, и душу. Поэтому и экскаватор у него – «Мегалебедь», изящно плывущий Над растекшейся речкой-траншеей... С «независимо» выгнутой шей.

Сизым облаком дышит устало.
 Дизель сердца стучит тяжело.
 Как ожившая груда металла
 Агрегат проползет за село.

Очередной камень в огород человечества и его безответственности, ибо брошенными бывают не только зверь или человек, но и машина... которая умеет просить: Ковш протянут ладонью раскрытой... - только вряд ли кто подаст «однорукому инвалиду». Поэтому, остаётся разве что сочувствовать: Я, у времени впавший в немилость, Точно так же, как ты одинок.

Вернувшись к «вещности» в стихах Бориса Примочкина, мы обнаружим превращения в лучшей философской традиции восприятия человека как «меры всех вещей». Мы попадаем в метаморфозы линии

микрокосмоса-макрокосмоса в его стихах. И если океан в призме его взгляда превращается в соседа почти, «ворочающегося с боку на бок», то моль – удивительным маленьким чудовищем, «хищным насекомым»:

Хоть расплющено тельце от боли -
 Вновь летает, витает, смотри:
 Золотистое пятнышко моли,
 Что съедает мой дом изнутри. (Моль)

В жизни «вещи» нет ничего неинтересного, нет «лишних» подробностей, все подробности равно важны и необходимы, и он нанизывает их на стих в «образном блеске» подобно бусинам:

Моль кружила. Узоры видны.
 Строчкой пьяной, мятущейся шьет.
 Увернулась. Ушла в темноту,
 И зарылась в шерсти, как во мху...

Столь же подробно, с той же исследовательской поэтической дотошностью вкупе с художественной созерцательностью, словно сотворяя заново, словно проживая всю жизнь вещи опять-таки «снаружи и изнутри», он воссоздаёт «Тополиный пух», в котором налицо проникновение вещью и проникновение в мир вещей:

Порывом ветра вдруг взметнет
 Пух тополиный словно стаю.
 Недолог летний снег. Растает
 Сугробы ... Летний гололед.
 Линяет воздух, шерсть летит.

Дрожит дыхание овчарки.
 Из пасти неба желтый, жаркий
 Свисает солнечный язык.

Не буду цитировать далее, и отнимать у читателя последующую радость знакомства с этим столь играюще-метафоричным, переливающимся-перетекающим в своей образности стихотворением. Теплота, бережность по отношению к «маленькому» на самом деле миру, который легко потерять, который легко может исчезнуть, рассыпаться – одна из главных «экологических» нот в творчестве Бориса Примочкина:

Ах, душа - моя зверушка.
 Что ты смотришь и скулишь?
 Мир сломался, как игрушка.
 Пустота кругом и тишь.

Социум – коварная достаточно тема, которую проще избежать, чем написать и не «впасть» при этом в невольную декларативность, упрощённость или другие грехи. Борис Примочкин берётся за неё с какой-то отчаянной открытостью, смело и безоглядно, как берётся за что-то «трудное» весьма человек, который просто не знает, что это сложно... И причина тому – подлинная горечь: Но боль, как шило из мешка Проступит... В условно обозначенную социальную тему вступает ещё одна стихия, одновременно водяная и пламенная: «Хуже водки – лучше нету». Для лирического героя, равно как и для всего «жаждущего и страждущего» справедливости и счастья народа - это то лекарство: От тоски умчаться вновь..., или: Кто-то глушит водку

За свои рубли. Вспоминает лодку Затопленной любви.
 То вдохновение: чтоб искать по темну свету Свою свет-
 лую любовь... То спутница любви: Встречи с горькой
 водкой Сладки, хороши... И двутелой лодкой Плыли
 две души. (Куст) То – исконный ритуал: По обычаю
 Родины Выпью водки смородиной На поминках до
 одури. Борис констатирует существование в родном
 городе новой Трои. В «Троянской цыганочке» появ-
 ляется не только символический образ повального
 пьянства, как всероссийского бедствия, но и мистиче-
 ский Конь Блед, вестник смерти: И нагло ржет Конь
 Блед. Частушечная форма лишь усиливает трагичность
 всеобщего народного взаимоспаивания и «спивания»:

Так с Буль
 вышел нуль.
 Растворился
 пьяный рубль.
 Последствия предсказуемы:
 Трезветь не пробуют.
 И власть не тронь...
 Святая троица
 Троится, строится...
 И ни жива,
 И ни мертва
 Лежит моя Троя
 Пьяна листва...

Это строки из стихотворения «Трио треугольни-
 ка города-героя Трои», которое вместе с «Троянской
 цыганочкой» образует диптих, – цвета и вкуса той

самой, «чистой как слеза» водки... Кульминацией искреннего и даже истового в болевом своём значении патриотизма Бориса Примочкина является стих «Родина», с его безответным вопросом: «Как же вышло так, Родина?», на которые герой всё же пытается ответить:

В голове ли пробоина?

Да и сердце раздвоено.

И распахнута дверь ...

Вот оно – опять «настежь» ... Кристальная как всегда на почётном месте:

По обычаю Родины

Выпью водки смородиной

На поминках до одури.

Побываю в раю.

Родина «любит» своих сыновей, но «странную любовь»:

Наградит меня Родина

За терпением орденом.

Но умершие, гордые

Уж захлопнули дверь

И всё же позволить отчаянью ли, неверию, беспределу захватить всё свободное пространство? – этого герой не может позволить. Он соединяет-объединяет-сливает в одно две любимые свои вещи, Родину и гитару:

Вот опять моя Родина.

Как гитара расстроена.

Отойду вот от одури

И настрою - поверь.

Вера, что всё можно поправить, «настроить», начи-

ная с собственной души, а точнее, душа своя и душа города, страны, народа есть нечто целое, сколь наивна, столь и верна. Созидать и действовать, точнее действовать, созидая, причём начиная не с призыва других, а с самого себя. Достойная и – не часто встречающаяся позиция. Просто судить, жалеть, обвинять – многим легче. Но, последние десятилетия привнесли с собой столько беды, ужаса и горя, что, как ни бери всё на себя, а приходит состояние «болевого мудрости», готовность любить остаётся, но сердце уже отягощено неизбежной усталостью, сколько ещё может оно вместить?

Буднично стало прощание с Родиной.

Сами готовим кровавое зелье

красной и траурно-черной смородины.

Что же душа так измята и скомкана?

С внешним прощаюсь седеющим обликом.

Птица влетает случайная в комнату,

Чтобы позвать за собою на облако.

(Письмами неба – опавшие листья)

В поэзии Бориса Примочкина есть ещё одна удивительная черта, которая соседствует как со страстностью, так и с ответственностью, иными словами со «взрослостью», это – детскость, не в смысле «инфантильности», а в смысле «бытийности», вспоминая призыв: «будьте как дети». Борис не стал «разделять» в книге эту свою ипостась в отдельный цикл или раздел, поскольку для него она слитна в сложном переплетениями со всеми другими свойствами души. Свидетельством открытой, радостной до «без оглядки», чувственной даже

в своей зрительной образности детскости является и мальчишка-«Дождь», который В ботинки чмокал горожан ... Щенком лизал и приставал ..., заставляя всех прыгать и плясать, чтобы в конце-концов развеселиться до такой степени весёлой любви, что лежал и хохотал. Он всех прохожих обожал. Владея жанром поэтической миниатюры, Борису удаётся яркое, подкупающее своё детско-художественное видение воплотить и в ней:

Руки темные простер
 Вечер звездно-бархатный.
 Он – сладостна. И костер
 Тает алым сахаром.

Но главенствует в книге лирика, женская стихия «инь». Женщина – это святость, загадка, «смысл жизни», то, что остаётся в душе навсегда:

Женщина между вдохом и выдохом ...
 Стоп, кинокадр ... тайна за ним.
 Женщина между входом и выходом ...
 Над головою сияющий нимб.
 Тихо прольется лето Господнее
 Женскою милостью нас освятит.
 И унесу я в свою преисподнюю
 Тот удивительный женский мотив.

И всё же – книга, тем более с таким названием, скажет больше любых высказанных мыслей и впечатлений, подарит каждому глубоко своё. Но в заключение: что же меня более всего подкупает в поэзии Бориса Примочкина? Выходя из «зоны», где всё «Настежь», я понимаю, что меня вдохновляет его «небоязнь» чувствовать,

быть живым, быть одновременно взрослым и ребенком в этом бытийном океане, быть наивным даже, и при этом ироничным. Его образное зрение радует незамутнённой, редкой чистотой. Ему хватает смелости быть даже порою по-подростковому «угловатым», «неловким», даже «неумелым» в языке: «плохие стихи» - «гадкие утята», если его поразила яркий образ, глубокое чувство, или неожиданная мысль, или всё это вместе. Меня радует его искренность и неподкупность – как в мире чувств, так и в мире вещей. Его ценности вечны, как снег, дождь, тополиный пух, образ любимой... Пресыщенные словом ценители, привыкшие к сложной мысли, прописанной в каждом слоге, к сложным версификационным построениям, возможно и не найдут в книге «пищи» для себя. Но те, кто понимает и воспринимает жизнь «выплеском», «выдохом», «наброском», но при этом ещё и «вширь и вглубь», для кого жизнь отдельной поэтической души, когда она столь многомерна, и в то же время проста, открыта и бесхитростна – интересна, тому – добро пожаловать в зону по имени «Настежь» ...

Ольга Добрицына